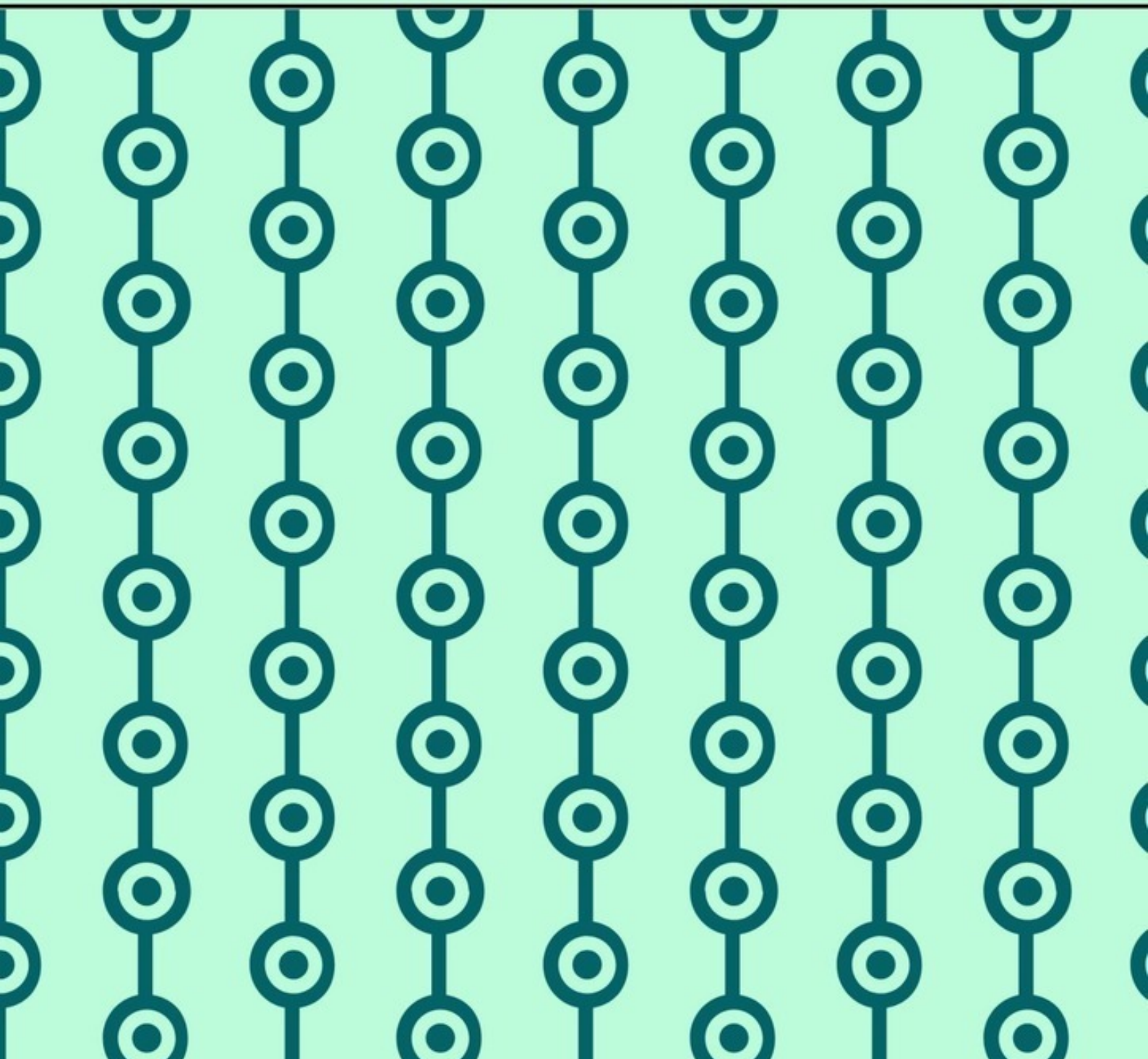

Сергей Степанов-Прошельцев

Без тебя

Сергей Степанов-Прошельцев

Без тебя

«Издательские решения»

Степанов-Прошельцев С. П.

Без тебя / С. П. Степанов-Прошельцев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-988243-1

Каждый поэт хоть одно своё стихотворение посвятил женщине. Есть поэты, которые пишут только о любви. Любовь — это очень сильное чувство. Я допускаю мысль, что если бы поэты не любили, не было как таковой и поэзии.

ISBN 978-5-44-988243-1

© Степанов-Прошельцев С. П.
© Издательские решения

Содержание

Сергей СТЕПАНОВ-ПРОШЕЛЬЦЕВ	6
ПИСЬМО ИЗ ПЯТИГОРСКА	8
ВОСПОМИНАНИЕ О ПРИЗЫВНОМ ВОЗРАСТЕ	19
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Без тебя

Сергей Павлович Степанов-Прошелец

© Сергей Павлович Степанов-Прошелец, 2020

ISBN 978-5-4498-8243-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сергей СТЕПАНОВ-ПРОШЕЛЬЦЕВ БЕЗ ТЕБЯ

Стихи о любви

...было это совсем не во сне...

* * *

Я не знал, что с собою не совладаю,
а ты не старалась помочь —
такая счастливая, молодая,
как новогодняя ночь.

Серпантинною лентой струилась гибко
звёздное пламя, падая в снег,
и какая же всё-таки вышла ошибка,
что было это совсем не во сне!

Вернуть бы время, да невозможно,
несусь куда-то – сплошной накат,
и только белая вьётся мошка,
и не растает она никак.

* * *

Это еще совершенно не довод —
то, что тревогу дожди насылают.
Липы цветение. Запах медовый.
Ты не грусти, что погода сырая.

Ты не грусти, что дожди за дождями,
брать во внимание это не нужно.
Лето пройдёт – и останется с нами
запахом липы – и сладким, и душистым.

Лето пройдёт – наши встретятся руки,
вспыхнет улыбка – как раньше, по-новой.
Липы цветение. Время разлуки.
Липы цветение. Запах медовый.

* * *

В тёмной-тёмной комнате, где ночуют страхи,
где я был, как лето, щедро молодым,
я свои сомнения, словно пепел, стряхивал
с сигареты времени – оставался дым.

Много в жизнь я вбухивал, вероятно, перца —
сколько, я решительно не запоминал,

но когда нагрянет (не дай Бог!) инспекция,
то найдёт какой-нибудь в этом криминал.

Что же тут крамольного? Что мы оба юны?
Что на волю просится пленная душа?
Превратить бы в золото то сиянье лунное —
за душой не водится вовсе ни гроша.

Полететь бы облаком над цветеньем дрока,
где цветы другие скоро расцветут.
Ты ли это, облако? Дай тебя потрогаю,
чтоб удостовериться, что ты снова тут.

Вот скользим, два облака, два похожих дыма,
без надежд на лучшее, без горючих слёз...
Или это кажется мне, неразлюбимая,
что тебя порывистый ветер не унёс?

ПИСЬМО ИЗ ПЯТИГОРСКА

Снег. Январский воздух горный,
свет луны прозрачно-бел.
Вновь Бештау пятигорбый
шапку белую надел.

Я везу тебе гостинец —
образцы тревожных снов,
одинокость гостиниц,
тусклый отсвет ночников,

серебро замерзшей рощи
и костра холодный дым...
Дирижирую порошей
и безмолвием ночным.

Пусть звучит светло, как прежде,
из продутой стужей тьмы
тихий гимн моей надежде
в исполнении зимы.

* * *

Когда непрухи полоса,
я жду, как ожидают помощь,
твои восточные глаза,
непостижимые, как полночь.

Они и в полутьме блестят
на жарком бархате июля...
Как я люблю твой быстрый взгляд —
пугливый, словно у косули!

Не надо говорить слова,
не надо, ничего не надо,
когда кружится голова
от недосказанного взгляда.

* * *

Предвечерний туман занавесит померкшие дали.
От дождя и от ветра темнеет гранит балюстрад.
Это осень как будто. Её мы с тобою не ждали.
Птичьей вспугнутой стаей багряные листья летят.

Их потом соберут для гербария школьного дети.
И засохнут они среди пыльных бумажных листов.
И забудется всё. Но останется вечный свидетель,
громыхая прибором о гальку своих берегов.

* * *

Вечер жидким сургучом
запечатывает память.
Только он тут ни при чём —
никуда её не сплавить.

И опять я унесён,
в это звёздное мерцанье,
в этот сон, что в унисон
вторит нашему молчанию.

Здесь в строю зелёных шуб
флоксов частые веснушки...
Будь покойна: не спрошу,
для чего всё это нужно.

Фимиам ночных цветов —
он опаснее тротила.
Я всю жизнь молчать готов,
лишь бы ты не уходила.

Где-то ухает сова,
лунный жемчуг с переливом...
Для чего нужны слова,
если счастье молчаливо?

* * *

Белый квадрат стены,
эхо минувших снов.
Желтым серпом луны
скошен недели сноп.

Ходиков мерен ход,
спит опустевший дом.
Самый несчастный тот,
кто одинок вдвоем.

.
* * *

Мне только минуты, наверно, хватило вполне бы,
чтоб духом воспрянуть, чтоб как-то очнуться от спячки,
чтоб солнце увидеть – багровое солнце, в полнеба,
и чайки, их танец, их крылья – балетные пачки.

Но лучше не надо. Безжалостна давняя память,
она вызывает какую-то странную ревность,
уж лучше и дальше, как прежде, стремительно падать
в болото печали, а значит, в свою повседневность.

Я всё забываю. Я буду с годами суровой.
Пройду без заминки по льду осторожности тонком.
Не надо, прошу я, не хмурь свои белые брови —
ведь их обесцветило солнце до осени только.

* * *

Я буду приходить по четвергам —
худой, как у камина кочерга,
в плаще до неприличия потёртом,
когда молчит охрипший телефон,
ты извини: я – это только фон,
унылый фон, увы, для натюрморта.

Художник не напишет этот бред:
тут фруктов нет, нарциссов тоже нет,
а есть тоска, мы к ней теперь приступим.
Она везде, куда ни наступи,
она, как будто марево в степи,
колышется незагустевшим студнем.

А может, не приду я никогда,
я это так, спонтанно, нагадал,
чтоб воскресить, чему не быть в помине,
что быть могло, но быть не суждено,
я это знал, я это знал давно,
но в этом я ни капли не повинен.

Я виноват, пожалуй, только в том,
что не стучусь в тот опустевший дом,
не ем омлет, тефтели с кашей пшённой,
что никакая мы с тобой семья,
что в этом доме не остался я
штрихом случайным и незавершённым.

* * *

Давно все забыто. Сгорела мечта без огарка.
Живу, как придётся, скукоженный, как запятая.
Но я вспоминаю хрустящую белую гальку.
Зачем – я не знаю. Но все-таки я вспоминаю.

И девочку эту. Зачем я так быстро уехал?
Судьба отвернулась, с лихвой подарила невзгоды.
Но я вспоминаю – и нежности слабое эхо
находит меня через тускло шуршащие годы.

Два-три поцелуя да быстрое рукопожатье
и пляж, что штурмуют весь день современные гунны.
И белое это, пронзительно-белое платье —
как будто из снега и лунного света лагуны.

Не сон ли все это? Я сам сомневаюсь отчасти.
Закрою глаза – и, как ветер, пронесится мимо
дыхание моря, дыхание близкого счастья —
всего только миг на будильнике вечного мира.

* * *

Не верю я твоим словам,
ничто не повторится,
ведь с детства ты, актриса-вамп,
не любишь репетиций.

В глазах твоих не вижу боль —
они полны коварства,
но жизнь – не сцена. Мы с тобой —
два разных государства.

И от твоей отделена
моя судьба границей,
но память на двоих одна,
и то, что в ней хранится.

Разъединение планет —
сие во власти Бога...
Но ты грустишь, и в этом нет
притворства никакого.

* * *

Он выметен тщательно, здесь не торгуют бодяжной
водярой в кафе и пивнушках, и даже в мотелях.
По улицам сытые голуби шествуют важно,
слегка косолапя, как знойные фотомодели.

Он так изменился с тех пор, как слинял я отсюда,
когда мы любили друг друга – в ту раннюю осень,
но всё это так позабыто и так неподсудно,
что память на чистую воду не вывести вовсе.

Но что из того, что всё это давно позабыто?
Всё это живёт в подсознание, всплывая не реже,
чем раньше... И этот посёлок, как камера пыток,
где вздёрнут на дыбе я тот — непростительно прежний.

Пусть всё здесь обрыдло – и дождь, и цветенье акаций,
и тёплое море, поющее песню акына, —
мне с этим посёлком уже невозможно расстаться,
как с другом, который меня незатейливо кинул.

* * *

Я вспоминаю, грешен, – кольнуло, как иглою, —
тот сад, что занавешен черёмуховой мглою.
Цвела сирень левее, дождём тропу размыло...
И тихо ветер веял – как из другого мира.

И всё так странно было в неверном этом свете:
наверное, любила ты не меня, а ветер.
Он вновь летит из мрака, что всё плотней и гуще, —
беспечный, как гуляка,
сам от себя бегущий.

* * *

Увезу тебя в лето, но это сосем не блицкриг.
Время – опытный лекарь, оно тебя вылечит вмиг.
Здесь колючие ости беды, что махрово цвела,
здесь январь расчихвостили остатки бывшего тепла.

Здесь коростою лепры покрыты сугробы души...
Увезу тебя в лето от лютых морозов-душил.
Здесь противно и тошно и вольная жизнь на кону.
Увезу тебя в то, что не снилось еще никому.

Я хвалиться не стану, и ты не одобришь меня:
тут звучит беспрестанно мелодия летнего дня.
Это вовсе не лишне, не сон это вовсе, а явь...
Ну, а если не слышно,
в наушниках громкость прибавь.

* * *

Ночь, как агат, черна,
нет ни огня.
Ты у меня одна,
ты у меня.

Сколько прощала мне
горьких обид...
Вижу, как ты в окне
плачешь навзрыд.

Вижу сквозь гущу лет
твой силуэт,
но возвращенья нет
в то, чего нет.

* * *

В большой пустой квартире,
за спинки стульев взявшись
(не топят котельные, все батареи — лёд),
произнесём вдруг страшные, беззвучные, озябшие

слова, и их значение до сердца не дойдёт.

Как быстро все меняется! Во все души излучины
слова втекали радостью, и каждый верил им.
Стоим. Слегка растерянно. Но, вероятно, к лучшему,
что всё не так случается, как мы того хотим.

Так холодно на улице! Весна – вот удивительно.
Откуда-то из Арктики пришел антициклон.
Но не питай иллюзии: закончен отопительный,
да вот теперь закончился и наш с тобой сезон.

И не ищи тут логики. Осмысливать — излишнее.
С бедой мы расквитаемся, но вот какой ценой?
Разгадка в том, что знали мы, что знали только личное,
увы, местоимение из буквы из одной.

Почувствуем, наверное, как время это тянется,
и пусть порой по-первости не обойтись без слёз,
давай хоть для приличия с достоинством расстанемся,
давай с тобой придумаем, что виноват мороз.

* * *

Мчат трамваи с горочки, огибая сад...
Обжигает горечью твой нездешний взгляд.
Постоим под вербами. В общем, ты права:
раньше мы не верили в горькие слова.

Раньше и не думали мы о них всерьез,
а теперь их сдунуло, как листву с берез.
Поздно. Воскресение. Развели мосты...
Горькие, осенние, желтые цветы.

* * *

Я ещё как будто уповаю
на судьбу. Я выхожу к трамваю.
Я стою, со всех сторон зажатый
страхами. Похоже, вышел рано.
Мне трамвай нанес такую травму,
каковой я в жизни не припомню.
Командир, трамвайный шеф, вожатый,
отчего ты не привез её мне?
Отчего, скажи, какая сила
душу мою всю перекосила?

Вот опять я выхожу из дома
и ловлю такси, но цель похода
непонятна: я не слышу грома,
на пустых полях аэродрома

тишины нелетная погода.

Где же ты? Куда запропастилась?
Может быть, давно уже простилась
с тем, что быт мой глухо неустроен,
что мой чайник сильно закопчённый,
что проблемы налетели роем —
маленькие жалящие пчёлы?

Где ты? Отзовись! Пусть далеко ты,
может, это Южная Дакота,
или уже мчишься по Вермонту,
там, где не нашла ты мастерскую —
чувств не принимают для ремонта, —
ну а я, как в клетке волк, тоскую.

Я не сплю — я никакой не соня,
вздрагиваю: вроде бы клаксонят.
Нет, не ты. В окне — скопление пятен,
сцепленных водою дождевою.
Это — призрак. Он, как ночь, невнятен,
лунною кивая головою.

* * *

...И вот мы на Пречистенке
дурачимся с тобой.
В лицо цветка тычинками
дождь тычется слепой.

Мы от него не прячемся
и, в общем-то, правы:
то грустное дурачество
последнее, увы.

Вагоны ждут на станции,
и ждут уже давно.
Мы знаем, что расстаться нам
сегодня суждено.

И вот — вокзал. И лестница.
Прощаемся на ней
не на день, не на месяцы —
на весь остаток дней.

В одном лишь нет сомнения:
сигналят поезда,
увы, не к отправлению —
к разлуке навсегда.

* * *

Казалось, всё это надолго, навечно,
но вот уж не видно совсем очертаний
камней, что пасутся отарой овечьей,
Эльбруса — стоит в белой бурке чабаньей.

И только костер, что свернулся удавом,
глотаящий мрак, а с ним вместе и годы.
Нельзя устоять перед этим ударом
судьбы, как не скроешься от непогоды.

Но я о другом... Я о том, что мелели
мечты – угодили мы в засуху быта.
На самом ли деле, на самом ли деле
мы так постарели, что все позабыто?

– Ты в это поверь, всего доброго ради,
но теплые звезды запутались в листьях.
И видим мы, в зеркало времени глядя,
морщины на наших обыденных лицах.

— И что? Убиваться, с крыш падая наземь
с безумными, белыми, злыми глазами,
от аминазина корягой немея?

– Нет, я не забуду, нет, я не посмею!
Я помню дыхание гор, что задаром,
лавандой пропахшие горькие руки,
и щебень с особенным, южным загаром,
и эту дорогу, что мчится к разлуке...

И где-то тревогу пророчит валторна,
в мелодии этой и страх, и унылость.
И жизнь, как огонь, поглощает проворно
всё то, что нам грезилось, всё, что приснилось.

* * *

Встретиться с тобою мне больше не обмаслится,
прошлое скрывается в облачном дыму.
Ты была, наверное, новичок-обманщица —
обманула первая ты себя саму.

Что же ты наделала? Поднимись по лестнице,
возвратись, пожалуйста, в опустевший дом,
ведь такая, в сущности, это окоlesiца,
если то, что дорого, мы не бережём.

Вновь тоска дорожная, и мелькают станции,
степь — фанера серая, речка у леска...

И наверно, в памяти лишь она останется —
длинная, плацкартная, смертная тоска.

А ещё – тяжёлая, липкая бессонница,
та, что не уносится вместе с ветром вдаль,
и в том скором поезде почему-то вспомнится
глаз твоих полуночных голубой февраль.

Но слепыми вьюгами годы запорошены
и свою верёвочку продолжают вить...
Отчего мы в старости не прощаем прошлое?
Оттого, что прошлое не дано забыть?

* * *

Закрыло облако полнеба,
дождь без разбора лужи метит...
Нет одиночества полнее
когда один ты в целом свете.

Рождаясь из дождя и дыма,
как туча, прячась в голубое,
оно, как рок, неотвратимо
нависло мраком над тобою.

Молчанье... Нет его заразей —
никто и слова не промолвит.
Но ты встречаешь без боязни
сверканье яростное молний.

И так порой грохочет с неба,
как бьют кувалдою с размаха,
и нету чувства, кроме гнева,
и только в сердце нету страха.

Не ждешь, что сверху рухнет швеллер, взметнув пургу бетонной крошки, —
тебе всегда куда страшнее
пустое кресло у окошка.

* * *

Воскресенье — самый чёрный,
самый тусклый день недели,
потому что вновь с печалью
ты своей наедине.
Ты вздыхаешь обречённо,
хоть терпенье на пределе,
наливаешь чашку чая —
и всё это, как во сне.

Дверь заклинило от снега,

завалило двор по пояс,
облака – как оригами,
птичий не слышать галдёж...
Здесь, на станции Онега,
ждешь давно ты скорый поезд —
занесло его снегами,
только ты, как прежде, ждёшь.

И когда лежишь на койке,
когда ждёшь безликих буден,
когда кот глядит с укором —
молока желает зверь, —
не считай на пальцах, сколько
было бед и сколько будет,
верь, что скоро, очень скоро
и к тебе придёт апрель.

* * *

Вот повернёшь ты голову,
помолодев лет на...
Серебряное олово
на плечи льёт луна.

Деревья и кустарники
и вечер голубой.
Я вовсе не состарился,
когда опять с тобой.

Я все забыл неладное,
все горестные дни,
опять вокруг гирляндами
развешаны огни.

И музыка на катере,
не знаю, для чего,
но нет дороги скатертью
до счастья моего.

И кончится всё, кроме как
вот этот майский дождь,
где счастье – вроде промелька
того, что не вернёшь.

* * *

Повсюду цвели мандарины,
и гальку слюнявил прибой.
Зачем мне судьба подарила
ту первую встречу с тобой?

Я снова её вспоминаю —
забыть я с годами не смог—
ленивое марево мая
и море ручное у ног.

Но быстро летели недели,
свой счёт уступая годам...
За веер той белой метели
я всё в этой жизни отдам.

За эти туманные дали, за эту
безбрежную гладь,
за то, что никто не подарит,
и что никому не отнять.

...откуда я всё это знал?..

* * *

Снова я вижу нерезко
сумрак ласкающий лунный,
и, словно сыра нарезку,
в ночь уходящие дюны.

Море вздыхает несыто —
власть это лунного жезла...
Щедро песок мне отсыпал
грусти о том, что исчезло.

Но не утрата – отрада,
что те мгновения были
и что всегда с ними рядом
эти глаза голубые.

ВОСПОМИНАНИЕ О ПРИЗЫВНОМ ВОЗРАСТЕ

Я соврал, что к тебе заглянул по пути —
битый час под дождем сиротливо я мок,
и к тебе я прощаться пришел, ты прости,
не сердись, но иначе я просто не мог.

Я, остриженный наголо, кепочку снял
(парикмахер меня округлил в аккурат),
но смотрела ты в сторону, мимо меня,
и спокойным был твой
невнимательный взгляд.

Твои губы...
Зачем они так холодны?
На лице твоём бледность от частых ангин...
И, наверно, ты знала давно, что должны
мы расстаться вот так – ни друзья, ни враги.

Я молчал. Да и ты промолчала в ответ,
отвернувшись. Я хмур был, обижен и зол.
А когда уходил, ты смотрела мне вслед,
удивляясь тому, что к тебе я пришёл.

* * *

Откуда я всё это знал? Ведь был я не пророк.
Откуда, из какого сна я это всё извлёк?
А это и не сон уже, а так – сплошной обман,
и сверху белое драже швыряет в нас зима.

Обман надёжно скрыт в словах, он – мутная вода...
Я что-то навсегда сломал, не верилось когда.
Обман – как душный сеновал, а явь – простор мечтам,
когда, как речка, синева в глаза впадала нам.

Но всё пошло вперекувыр, всё стало вдруг не то,
ведь в чём был тот обман, увы, не знал из нас никто.
Нет, я несколько не позёр, но тут такой загиб,
что лучше пережить позор, ведь мы теперь – враги.

Враги... Я этому не рад, но это не сказал.
Враги, когда отводим взгляд, чтоб не глядеть в глаза.
Враги – когда прощенья ждешь, но мир недостижим.
Враги – когда мы верим в ложь, а правду говорим.

* * *

Жизнь время мотает на спицы,
впадает душа в летаргию.

Но снова, как раньше, не спится,
всё помнятся ночи другие.

Я слышу листвы шелестенье,
и ветка мелькает кривая.
Своею летящею тенью
она мою тень накрывает.

И гром в отдалении охнет,
и вечер томительно-розов...
А помнишь: стучала нам в окна
такая же ветка берёзы?

С судьбою тогда еще в споре,
мы вздрагивали от стука,
не зная, что нам семафорит,
что нас настигает разлука.

* * *

Когда утихнет шорох ног,
вне времени уже,
я постучу в твоё окно
на третьем этаже.

Ты, приготовившись ко сну,
предвидеть не могла,
что веткой влажной я коснусь
холодного стекла.

Но ты услышишь мой сигнал,
как радостную весть,
как люди чувствуют всегда,
что рядом кто-то есть,

что у меня (поймешь ли ты?)
был шанс один из ста —
обнять тебя рукой листвы,
на цыпочки привстав...

* * *.

Напрасная времени трата —
ждать писем, что ты не писала.
И к прежнему нету возврата —
такое кривое лекало.

Я был чем-то вроде болида,
летел траекторией дерзкой.
Такое не снилось Эвклиду,
об этом не знал Лобачевский.

Я врежусь, наверное, с лёту
и буду лежать подзаборно..
Ты если почувствуешь что-то,
не думай, что было мне больно.

* * *

Два месяца с лишним, два месяца с лишним,
как тень моя призраком бродит по стенам.
И голос мой больше в квартире не слышно,
и кажется, будто она опустела.

Взгляни: пожелтели в прихожей обои,
и двери рассохлись, что кожей обиты.
Мы ссорились здесь и мирились с тобою,
прощая и не забывая обиды.

Здесь нас в январе донимали простуды
и не было крыльев душе для полёта.
И воздух был рыхлый и вязкий, как студень,
и мягко пружинил, как жижа болота.

И мы не смогли насладиться покоем —
чего-то опять нам с тобой не хватило.
И что-то такое, и что-то такое,
в чём главное было, ушло из квартиры.

Всмотрись: по ночам одинокие тени
обходят березку и столик трехногий.
Всмотрись: это наши с тобою потери.
Всмотрись: это наши с тобою тревоги.

Они равнодушно, с нелепым усердьем
по мягким паласам ступают неслышно,
и хваткой бульдожьей сжимают предсердьем
два месяца с лишним, два месяца с лишним.

* * *

Вот он мелькает за прожелтью леса,
вот уже видится более чётко —
нагроможденье стекла и железа,
камня, что красен, как бычья печёнка.

Мир, что ещё добродушно-наивен
и бескорыстен, как сытая чайка,
в бусах огней, что надеты на иву, —
словно на праздник собралась сельчанка.

И как шары бильiardные, к лузе

катятся звёзды... И та, что женою
станет не мне, и волос её узел
ветер рассыплет волною ржаною.

Боже всеильный! Не надо иного
благодаяния, дай только это:
дай мне забыть её – хоть на немного!
Дай мне забыть её! Хоть до рассвета.

* * *

Город угрюмый, изогнутый, острый, как коготь,
профиль двухдверного, старого очень седана.
Ветер несёт над землею печную тяжелую копоть.
Сколько веков на брусчатке она оседала?!

В городе этом мы жили несчастью в угоду —
так белокрыльник хиреет на топком болоте.
Тут же погода – насмешка над всякой погодой,
а потому только дождь днём и ночью молотит.

Ты уж прости, что твои обманул ожидания.
Я – не нарочно. Я тоже об этом жалею.
Я — как тот город, туманной закутанный далью,
как никуда не ведущая больше аллея.

* * *

Я взглядом тебя провожаю:
идешь, за собою маня, —
чужая, такая чужая,
что больше уже не моя.

Зачем мы с тобой разминулись,
зачем примирились с судьбой?
Всё тянется, не повинуюсь,
рука моя вслед за тобой.

И ты... Ты совсем не такая:
идешь, без греха на душе,
не требуя, не потакая
и даже не плача уже.

* * *

Порывистый ветер приносит туман и дожди,
весна, словно доктор, болезнь застарелую лечит.
И лучше забыть и не верить, прошу я, не жди,
забудь всё плохое, так будет, наверное, легче.

И выйди на взморье. Там хлещет волна через пляж
И, гальку швыряя, мычит с непокорностью бычьей.

И розовых чаек рискован порой пилотаж,
когда над волною несутся они за добычей.

Вот так же и ты заарканить хотела мечту,
да только не вышло: любви отступило цунами.
Ты даже не знала, что я это перерасту —
так пень иногда обрастает по-новой ветвями...

* * *

Жги огнём, на кусочки режь —
не забыть тот день, что далёк:
лётного поля бетонную плешь,
скучающий самолёт.

.

Снег тебе серебрил висок,
ты стояла, волнуясь слегка —
тоненький вьющийся стебелёк
сорванного цветка.

Ветер позёмку в лицо кидал,
слабый гасил дымок,
а я улетал в навсегда, в никуда,
и было мне невдомёк,

что если б я слышал твои слова,
чувствовал бег беды,
я бы тогда билет разорвал
и не исчез, как дым.

Я бы не выбрал сырой замес
серых и пресных дней,
чтобы остаться в этой зиме
снегом беды моей.

* * *

Струйки дождя из небесного вымени...
Хоть бы они, гомоня,
мне помогли у Всевышнего вымолить
лёгкую смерть для меня.

Так нагрешил я, что пахнет и вышкою,
как ни крути, ни порхай,
и поведёт, в исполнении вышколен,
к плахе меня вертухай.

Ждёт не дожётся безглазая карлица
с острым двуручным мечом...
Жаль, что не дали мне честно покаяться,
если и было мне в чём.

Но не грусти, дождь окно твоё вымоет
и заплутает в плюще...
Здравствуй, далёкая! Здравствуй, любимая!
Это – я в мокром плаще.

Вспомнишь меня лишь когда-то при случае,
одолевают ли грусть?
Ждёшь ли по-прежнему? Веришь ли в лучшее —
в то, что когда-то вернусь?

Я не вернусь, ничего тут нет странного,
я не вернусь вообще.
Это – не я. Видишь ты только странника,
странника в мокром плаще.

Тот, кем был я, стал лишь рожью озимою,
только увяли мечты...
Здравствуй, далёкая, здравствуй, любимая!
Здравствуй, хоть это – не ты!

* * *

Безветрие, медленный шорох
травы, чье привольно житье,
и время сгорает, как порох,
счастливое время мое.

Ты слышишь, как в ветках синица
поет нам, таким молодым?
Не надо ещё торопиться,
давай ещё здесь посидим.

Прикрой утомленные веки,
давай ещё мы не уйдём,
чтоб это запомнить навеки,
как помнят о счастье своём.

* * *

Вновь на стеклах – налёт серебра,
и казенные голые бра,
и столбы – по колено в снегу,
и на ужин, как прежде, лапша,
и опять каменеет душа.
Не могу без тебя, не могу!

Костыли и линялый халат,
запах хлорки, больничных палат —
пожелать бы такое врагу!
Перевязки, врачебный обход.

Что потом? Неизвестен исход.
Не могу без тебя, не могу!

Как ты там? Тебе грустно? Одна?
Любопытная смотрит луна
из окна. Ветер гонит шугу.
Дрогнет лампой очерченный круг...
Ненавистное время разлук.
Не могу без тебя, не могу!

* * *

Как спички, молнии о крыши чиркают,
но только видятся, как в забытьи,
твои большие и чуть с горчинкою
глаза заплаканные твои.

Раскаты грома звучат, как выстрелы...
Но над загадкой я бьюсь опять,
как получилось, чтоб столько выстрадав,
ты можешь буднично меня предать?

* * *

Разлуку опять нам буран накудахтал,
опять зачастили метели.
Куда ты опять исчезаешь, куда ты,
ведь нет и в помине апреля?

Снег сыпал с утра. Он без удержу сыпал,
кубами застыв и шарами.
Февраль, как голодный шакал, ненасытен, —
любое тепло пожирает.

И нету в природе каких-то субстанций,
пускай они были бы втуне,
которые вдруг помогли бы остаться
раскрытым бутонем июню.

Рассыплется он охрусталенным светом,
трагедией голубою,
никто не напомнит, что в снеживе этом
мы были когда-то с тобою.

* * *

Стираются в памяти даты.
Осталась лишь самая малость.
Но кажется мне, что когда-то
со мной уже это случалось.

Я чувствовал это горенье,

я силы накапливал в вере
в каком-то другом измеренье,
в другой, незапамятной эре.

Всходила луна за рекою
желтее придонного ила,
и ты была точно такую,
какой ты меня полюбила.

И сердце стучало так часто,
что было светло и тревожно,
и я задыхался от счастья,
какое уже невозможно.

* * *

Двери разошлись... Прижмусь щекой.
Ты не ждала гостей?
Слышишь, скулит за окном щенком
осень беды моей?

Я пережил тот резкий виток,
горький судьбы сухарь,
я, как в безводной степи цветок,
медленно засыхал.

Я, словно тля в шумящем овсе,
счастье извёл под ноль.
Я позабыл, похоже, совсем,
что ты была женой.

Видишь, я стал, как папирус, жёлт,
запах принёс мышей?..
Я позабыл, для чего пришёл,
ты не гони взашей.

Окна твои затянуло льдом
в утренней тишине...
Это был вроде наш общий дом,
но его больше нет.

Время глотнула серая муть.
Нет уже больше сил.
Я уйду. Ты о том забудь.
Я и не приходил.

* * *

В нашей жизни много спорного,
не понять порой всего,
не достиг я, видно, полного

пониманья твоего.

Стало тошно – впору вешаться,
я до крайности был зол
и ушёл в тайгу медвежиться
и берложиться ушёл.

На поляне спела ягода,
был цветенья карнавал...
Вместе с сойкой, птичьей ябедой,
я и вправду горевал.

Там, у счастья за обочиной,
где мы с ней совсем одни,
вспоминал я озабоченно
все потерянные дни.

Забывал, что ты – попутчица,
что сошла на вираже...
Забывал, да не получится,
не получится уже.

* * *

Было ли это? Похоже, было:
это случается лишь весной,
и девочка, что не меня любила,
сидела в беседке рядом со мной.

Она смотрела с такой досадой:
никто такого совсем не ждал!
Только вот голос ночного сада
в чем-то обратном нас убеждал.

Впрочем, признаюсь: на самом деле
в этом весеннем саду вдвоём
просто на звезды мы вместе глядели,
просто думали о своём.

Просто дурманяще пахла вишня,
я отвечал, как всегда, невпопад.
Просто всё это нечаянно вышло —
вряд ли тут кто-нибудь виноват.

Надо ль винить те глаза, что шире
неба и синие, как финифть?
Можно ли эти глаза большие
в чём-то когда-нибудь обвинить?

* * *

Бурлит вокруг людской поток —
режим обычный выходных...
Все объяснения потом,
нам совершенно не до них.

Зачем гадать, что впереди?
От мыслей пухнет голова.
Сегодня, видно, не найти
ненарушимые слова.

Прости меня, что я бегу
и ты, пожалуйста, не мсти
за то, что больше не могу
меня с покоем совместить.

И вот – обшарпанный вокзал,
и вот – на полке мой рюкзак...
Я, что не сказано, сказал,
ты это видела в глазах.

Разгонит ветер чесучу
туч над щербатой горой,
и то, о чём я промолчу,
осенней вспомнится порой.

Когда придавит нас мешком
мечта несбывшегося сна,
когда покажется смешной
воздушных замков крутизна.

Пусть это будет дань мечте,
шепни в ушедшие года
слова – единственные, те,
что не услышать никогда.

* * *

— Останься!
Но поезд трогает, перроны бегут назад.
Не надо смотреть так строго: тебя выдают глаза.
Читаю я в них: «Ну что же уставился, как баран?
Еще не поздно, Сережа, в вагоне сорвать стоп-кран.

Ещё твой путь неопознан, он пройден всего на треть.
Ещё ничего не поздно — даже и умереть...».
А я, на подножке стоя, от смерти не жду вестей,
раздавленный пустотою бессмысленных скоростей.

* * *

Не успел тормознуть — уехала,

и молчание режет уши мне.
Позову тебя — слышу эхо лишь,
отголосок давно минувшего.

В этом лиственном летнем лепете,
пролетающем теплой стаею,
белым лебедем, белым лебедем
ты в пределах иных растаяла.

Из ушедшего, из забвения
жду ответа и сердцем слушаю,
чтоб, назло всем своим сомнениям,
верить в лучшее, верить в лучшее.

* * *

Тихими шумами, белыми цветами
приходи с ветрами вместе с облаками,
свежестью лесною защити от зноя,
посиди со мною, погрусти со мною.

Мы давно в разлуке, мы давно не вместе,
повилики руки тянутся из мести
к горлу... Перехватит сразу же дыханье...
Только знаешь, хватит, конечно свиданье.

Счастья не прибудет. Ты не виновата.
Будь же всё, как будет, хоть не так, как надо,
хоть дорога — камни, хоть повсюду — змеи,
дай забыть тебя мне, если я сумею.

* * *

Она утонула в том мареве мая,
когда ещё спят и дома на засове.
Я всё не припомню, но я понимаю,
как мало я знаю об этой особе.

Она укатила на чёрном фиате
(потом я её обнаружу в Париже),
умчалась в фиате с глазами фиалки
куда-то, наверное, к морю поближе.

Туда, где не надо подробностей быта,
где киснуть не надо над постными щами,
где слёз не пролито, где будет забыто,
всё то, что случилось, чего не прощали.

И если придется судить по-другому,
не стану я думать о верности женской,
я выключу память и брошусь в тот омут,

в тот омут, фиалковый омут блаженства.

...я говорил слова не те...

* * *

Может, я и не понял что-то,
предварительным был анализ:
мы с тобой, моей асимптотой,
бесконечно пересекались.

И теперь я не понимаю,
для чего унеслись в загуле.
Если линия ты прямая,
я — фигура из загогулин.

И не выпустит нас из круга
жанр жестокого детектива,
и чем дальше мы друг от друга,
тем туманнее перспектива.

И не надо шафрана рая —
я лечу по крутым орбитам,
в бесконечности растворяя
то, что всё еще не забыто.

* * *

Всё в жизни было не мило,
был я, как на фронте, ранен:
тоска меня прищемила,
как будто палец дверями.

Прогноз на поправку зыбкий,
но, к счастью, мне просияла
припрятанная улыбка
забытого карнавала.

Деревья усыпал иней,
и было так мало света...
Снегурочкой в шубке синей
мне встретилось чудо это.

Оно меня вдаль уносит,
туда, где печалей мало.
Сиянием лунной ночи
оно меня обнимало.

Я мог от него согреться,
забылась навек подагра.
Так счастьем сияют в детстве

от маминого подарка.

* * *

Какой я всё же был болван —
не рассчитал орбит,
где размещаются слова
надежды и любви!

Другими их не заменить —
те лишь сплошной обман,
другие могут заманить
в какой-нибудь капкан.

Я говорил слова не те —
как будто бред сливал,
и повисали в пустоте
те нищие слова.

И я ушёл. И ты ушла —
попутал нас лешак.
Но те слова, как серый шлак
на дне души лежат.

* * *

То были дни, когда с тобой мы жили вместе,
когда я покупал в комке аперитив,
и расцветал пион в бутылке из-под пепси,
доверчивый, как мы, к тому, что впереди.

Теперь уже тепла не будет и в помине,
а без него наш мир мгновенно опустел,
и отблески тех дней души не опалили,
концовка тут одна — остывшая постель.

Увы, ценить тепло мы просто не умели,
не разглядели явь сквозь призрачную муть.
Нам трудно было жить, свой резвый пыл умерив,
теперь безумно жаль всего, что не вернуть.

Торопятся часы. Уже осталось мало,
и я как будто сник и к худшему готов,
но хочется опять того самообмана,
той мягкой теплоты оранжевых тонов.

* * *

Ты печали свои не смакуй,
отгони дней усталый табун.
Я помочь всё равно не смогу
вспомнить всё. Не нарушу табу.

Вечер был по-февральски уныл,
обвиваясь вокруг, как лассо.
Карнавальную маску луны
он напялил тебе на лицо.

Я сказал: «Дорогая Луна,
улыбнись, всё останется сном».
Ты была, как луна, холодна,
холоднее, чем снег за окном.

И к тебе больше нет мне путей,
всё горит, как в духовке пирог.
То предчувствие горьких потерь
оправдалось, хоть я не пророк.

Что осталось? Лишь зимние сны,
этот белый, как мельник, январь,
карнавальная маска луны
и холодная черная гарь.

* * *

Вовсю курортная страда,
но едешь ты не в Крым —
ты исчезаешь навсегда,
как этот лысый дым.

Кишит людьми большой вокзал,
как рисинками плов...
А я тебе и не сказал
каких-то важных слов.

Теперь меня и не проси,
слова уже не те:
они застряли, как такси,
в вокзальной суете.

И наше время истекло.
Прощается родня,
и ты глядишь через стекло
уже не на меня.

* * *

Что же ты за создание?
Сущее наказание!
Северное сиянье...
с тобой свиданье.

Ты из страны Суоми,

края волшебных радуг.
Что мы осмыслим, кроме,
кроме того, что рядом?

Как мы с тобой неловки!
Нам не сказать словами,
что облака, как лодки,
тихо плывут над нами.

Видно, в мгновенья эти
ты – лишь астрал, без тела.
Как, на какой комете
ты ко мне прилетела?

.
Где-то совсем на грани
бреда больной улыбки
бледный сверчок играет
на своей лунной скрипке.

Я провожаю взглядом
тени в пустой квартире,
где мы с тобой не рядом —
ты в параллельном мире.

Там не найдешь ты счастья,
там только ад крошечный.
Как бы мне достучаться
в дом твой уже нездешний?

* * *

– Ты вернешься?
– Я лишь на три дня.
Я – туда, где дальних гор гряда...
Только ты не дождалась меня,
да и не дождешься никогда.

Был я словно ветром унесён
за границы призрачных держав.
Извини, что это был лишь сон,
извини, я слова не сдержал.

Я по льду скользил — он, как фарфор,
он глазурью абрис твой облил.
Принимал он много разных форм,
но остался призраком любви.

И сегодня вновь в прожилках лёд
и такой же кучерявый дым,
и январь вновь делает облёт

по владеньям голубым своим.

Я плохой, наверное, рыбак:
невод пуст, печален мой удел,
и так долго стынут на губах
те слова, что я сказать хотел.

* * *

В этом мире дворцов и лачуг
обветшал я, как старый амбар.
Я полтиной луны заплачу
за твой самый искусный обман.

Ты шепнула мне тихо о том,
что ты любишь иль делала вид...
Но с тобой мы опять уплывём
на неведомый остров любви.

Там случится сиреневый май,
и мне жарко от радостных рук.
Обнимай же меня, обнимай,
пока ложь не проявится вдруг!

Пока ночь, пока море огня,
в сердце целится тысячью дул...
Может, ты и любила меня,
может, сам я себя обманул.

.

* * *

Нет, позабыть я уже не способен
этот июль, хоть авральная гонка.
Где эта девочка с русой косою?
Как отыскать в стоге сена иголку?

Как мне вернуть это лунное лето,
где уже места для нас не осталось?
Где эта девочка в женщине этой
в черном реглане, скрывающем старость?

Где ты? Сейчас ты в обличье свекрови,
даришь на праздники нужные вещи.
Как притаилась ты в строгой матроне,
чтобы меня контролировать вечно?

Где ты? Ответь, прояви ко мне милость...
Но уплывает виденье, как жерех,
как отраженье чего не случилось
в этом пустом тонкостенном фужере.

* * *

Давно такого я не помню шока:
казалось мне, что я совсем оглох,
и застревал в гортани даже шёпот —
он превращался в выдох или вдох.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.